

Всеволод
Иванов:

«ОН ПРИШЕЛ, ЭТОТ ДЕНЬ НАСТУПЛЕНИЯ...»

Исполнилось 90 лет со дня рождения известного советского писателя Всеволода Иванова. Его произведения «Бронепоезд 14-69», «Блокада», «Пархоменко» и другие вошли в золотой фонд советской литературы. Во время Великой Отечественной войны Всеволод Иванов был военным корреспондентом, с войсками Первого Белорусского фронта участвовал в освобождении Берлина.

В архиве писателя немало набросков, дневниковых записей. Вот некоторые из них, которые мы публикуем впервые.

ЗАВОД выстроен рабами, и работали на нем рабы. В некоторых цехах «объявления» на двух языках: немецком и русском, а в некоторых добавлен еще и польский. В конторе завода мы нашли сотни так называемых «рабочих удостоверений»... Вот что рассказывает одно из них. Фотография печальной девушки в клетчатом занесенном платье, с короткими косичками, отпечаток правого пальца, отпечаток левого пальца, над фотографией и этими отпечатками — надпись «по-русски: «Владельцу сего разрешается выход из помещения единственно ради работы». На обороте вопросы и ответы на них, напечатанные на машинке. Ни подписи раба, ни следа почерка его — вообще писать запрещалось. Мы не нашли ни одного слова, написанного рукой человеческой, хотя осмотрели тщательно стены, потолки, подвалы. Кто же она, одна из тех рабынь? Софья Савко, 1924 года рождения, из Украины — и все.

А в середину удостоверения вложен листок. На нем на тринадцати языках напечатана одна фраза: «Настоящая рабочая карточка дает право на работу только поименованного работодателя и теряет силу с оставлением этого места работы».

Негодяй! Право на работу! Право на смерть, а не право на работу: куда она могла уйти, эта несчастная Софья Савко? Как она могла оставить свое рабское место? Прорвавшись через колючую проволоку? Через охрану, вооруженную, да еще и с собаками?

И с щемящей, невыносимой тоской глядишь на фотографии, во множестве заготовленные для подобных удостоверений, но почему-то не использованные; может быть, потому, что помешала Красная Армия. Фашисты так были уверены, что никто, кроме них, не увидит эти фотографии, что не глядели на выражение лица, а, возможно, отчаяние наших сестер и матерей доставляло фашистам удовольствие.

Как бы то ни было, каждая фотография, каждое выражение лица — вопль горя. Горе, сухое и едкое, в глазах. Горе застыло на губах. Горе, как огнистый поток, льется из глаз.

На обороте фотографии фами-

лия и название родины. Других данных нет. Номер раба, как видно по фотографии, прикалывался возле левого плеча на груди. Кое у кого, кроме номера, на правой стороне груди слово «Ост». Вот фотография Елены Моздейко. Плачущая женщина лет тридцати, со сдвинутыми скорбно бровями, с коротко стриженными волосами, в клетчатом мужском пиджаке, видимо, с чужого плеча. Ее номер — 2401. Перебираю другие фотографии. Мария Переменек, Вера Голова, Александра Фоменюк, Мария Узденкова. Старые, молодые, но одинаково изможденные, изуроченные лица. Где они, эти несчастные люди? Убиты? Утоплены в водах этого мрачного озера под этим жутким ветром, под этим неизвестно откуда налетающим, сладковато-гнилым запахом разложения? Где их следы? Где их проклятия?

ОН ПРИШЕЛ, этот день наступления.

Пятый час утра. Скоро начнется артиллерийская подготовка. Но пока тишина такая, что кажется, пролети мошка, и ту услышишь...

Иду по ходам сообщений к наблюдательному пункту. Ноги вязнут в жидком, как мука, песке; руки задевают о доски, которыми обит ход. Иду долго — наблюдательный пункт на высоком холме.

Тесная комната. Вместо окна — щель шириной в ладонь и длиной метра в два. Несколько прошлогодних сухих стеблей травы еле заметно колышутся возле щели, а за ними угрюмая, сырая мгла. Сквозь мглу доносятся откуда-то голоса, но кто и о чем говорит, непонятно. Оказывается, разговаривают наши бойцы. В два часа ночи им сообщали о наступлении.

— Как они приняли эту весть?

— Давно, говорят, ждали. Пора.

Превосходство сил, моральное и физическое, явственно слышится в их ответе.

Рассвет прибывает по капле. Досадная, белесая мгла, словно кляча, ползет над Одером, уже слегка отличающимся от берегов...

И вдруг будто сбросили вездом над головой. Холм вздрогнул, как куст. Посыпался из

щелей песок, на секунду запылив глаза. Где-то на каком-то гребне жарко полыхнули гвардейские минометы. Источники света ринулись в небо, сразу определив его глубину. Земля тряслась в железном, безудержном грохоте. Передо мной встал воплощенный «бог войны» — наша артиллерия заговорила!..

И когда над смутно причудливым Одером на мгновение из туч показалось солнце цвета желтой меди, наши войска пошли в атаку...

Мы пересекли железнодорожный путь и вышли на холм. Клевверное поле перерыто окопами, на желтом песке лежит трубка от «панцерфауста», а возле бетонного колпака — три трупа немецких солдат. Непонятно, кажется, кончилась. В небе легкие, бледные и пушистые, как лен, облака. Пронеслись самолеты. Наши летчики помогают пехоте штурмовать Франкфурт-на-Одере. За лазорево-синим лесом встают оранжевые клубы взрывов.

Возле холма — шоссе. По нему движется грузовая машина. Несколько легко раненных бойцов сидят в ней. Какая-то неисправность в моторе. Шофер остановил машину. Конногвардеец в кубанке поравнялся с машиной и спрашивает:

— Ну как, пехота, Франкфурт?

— Берем! А как, казак, Берлин?

— Уже через плетень перелезли. Скоро в рейхстаг войдут, — отвечает тот и, поправив черную кубанку, отъезжает.

Пехотинец смотрит ему вслед и говорит:

— Оно верно: на немце теперь, как на камне, нету цвета. Хорошо-о!.. — И лицо его засияло таким томительно сильным чувством совершенного подвига, что ради того, чтоб увидеть это чувство, стоило и жить, и трудиться, и терпеть любые лишения, и идти бог знает как далеко!

И навсегда эти дни останутся в нас сладким восторгом, бессмертно тающим на дне наших сердец. Это — чистое и нежное сознание своего долга перед Советской Родиной, перед всем человечеством, перед всей культурой.

На искристом циферблате вечности сквозь близкую и легкую дымку времени отчетливо виден час, когда безжизненно упадет гитлеровская Германия.

Этот час видит весь мир.

Публикацию подготовила
Тамара ИВАНОВА.

Трун, 1985, 25 апреля